

Иванушко дурачокъ, желаешь?“—„Да вотъ, штобы въ со-
вѣднешнюю ночь изъ Счетіна-града всѣ три дома и хру-
стальной мось, Анна Царевна съ мѣлышомъ—штобы были
здѣсь! Да штобы я-то былъ поумнѣе да и покрасивѣе!“

Пастухи поклонились. Утромъ рано Иванушко стаётъ
и пошолъ къ царю. — „Ваше Царское Величество! посмо-
трите, хто виноватъ: я, али Ваша дочь?“—Царь посмотрѣлъ:
всѣ три дворца стояли вмѣстѣ, а также и мось хрусталь-
ной. Царь посмотрѣлъ въ свою трубочку и сказалъ Ивану:
„Ну, любезной зеть, я тебѣ всё просчѣю!“

Запегли *корѣть*, посадилъ Ивана съ собой рядомъ и
поѣхали къ этимъ домамъ. Когда пріѣхали, царь смотритъ:
Анна царевна съ мѣлышомъ только-что стали.

Она и говоритъ своему мѣлышу: „эхъ любезный! што
мы прешъ жили какъ съ Иваномъ съ дурачкомъ: только
смѣхъ одинъ былъ надъ имъ!“—Царь прогнѣвался на свою
дочь, хотѣлъ её наказать. Но Иванушко упросилъ царя;
а мѣлыша заклѣли въ крѣпость. Тогда и стали жить Ива-
нушко со своей женой. А когда царь сталъ старъ, пере-
далъ свое царствованіе зѣтю.

10. [Лѣшій].

1. Въ одной деревнѣ жилъ богатой мужикъ. Онъ по-
строилъ нѣмой домъ, а къ нему въ домъ повѣдился ходить
ночевать лѣшой. Нельзя стало мужику жить въ домѣ. Онъ
перешолъ во старѣй, а новой всё топилъ домъ, штобы не
выстывало.

Дѣжили до ѳсени. Шолъ солдатикъ со службы. Дѣло
было вѣчеромъ. Онъ попросился у ѣтова мужика ночевать.
Хозяинъ пустилъ, ужинѣй накормилъ и увѣлъ въ новую
избу спать. Думаётъ, што „солдатъ, быть можетъ, чѣво не
знаетъ ли отъ такой штѣки?“

2. Когда солдатъ пришолъ въ избу, и расположился на
печку спать; только мужикъ ушолъ, — вдругъ зашумѣлъ
вѣтеръ, такъ што вся изба задрожжала. Отворились двери,
и въ избу вошолъ мужичокъ среднѣва роста, въ бѣломъ
чажельѣ.

„А! служивой здѣсь есь?“ — „Есть. Выпросился начевать“. — „Ну, хорошо! я то́жо ночевать пришолъ. Пусъкай мы съ тобой кое-што *поталакаёмъ!*“

Пришолъ мужичокъ кверъху и сѣлъ на печку, а служивой зажогъ лучину огня и засвѣтилъ. — „Ну, што, служивой, табачокъ нюхаёшь?“ — „Нюхаю“. — „А у меня какъ разъ табакъ вышолъ весь. Пожалуста одолжите мнѣ вашево табачку!“ — „Съ удовольствіемъ; штожь?“ — И солдатъ подалъ свою берѣстеную тавлінку. Мужичокъ въ одну ноздрю нюхнулъ, а въ другую было нѣчево: онъ ужъ табатерку выколачивалъ. — „Охъ, какъ вы, дядюшка, *бѣльно* нюхаите! мнѣ и самому ничево не осталось!“ — „Ты, — говоритъ: — знаёшь, служивой, кто я такой?“ — „Да ужъ какой лѣшой нюхаётъ пусче тебя?“ — „Это я самой и есь!“

3. Тогда солдатъ спрашивать: „Ну, што вы? помираите или нѣтъ ко́нда-небудъ?“ — „Мы неко́нда не помираёмъ, а только—мы ходимъ по лѣсамъ, по домамъ: если попадѣтца подъ ногу игла,—какъ ступимъ на иглу, тутъ и помрѣмъ“. — „А какъ же ваши тѣлесѣ убирають? вѣдь вы вели́ки?“ — Тогда лѣшій сказалъ: „запрегай хотъ петнацеть лошадей, и неко́нда насъ не вывезти! А привежи курицу и пѣтуха на мочѣлко, пугни ихъ, и онѣ уташшатъ; а вѣтеръ дунѣтъ, ничево и не бѣдѣтъ“.

Легли они спать. Солдату не спитца. Черезъ нѣскольکو минутъ зажѣкъ онъ опять лучину, смотритъ, а лѣшій уснулъ: самъ лежитъ на печѣ, а ноги на полатяхъ у стѣны.

4. Солдатъ вынимаетъ изъ кармана бумажку иголъ, взялъ молотокъ и давай ему заколачивать въ пѣты иглы. Лѣшій сталъ помирать и ростягѣтца, такъ што стѣны затресѣли.

Утромъ приходитъ хозяинъ. — „Ну што, служивой? каковѣ начеваль?“ — „Да, хорошъ твой наслѣгъ! Смотри, какой лѣшой лежитъ!“

Хозяинъ обрадовался, што солдатъ *ухалял* лѣшова; думаетъ: „только выбросить, и все! болѣ ходить не бѣдѣтъ!“ — Солдатъ собрался и ушолъ.

5. Мужикъ выломалъ простѣньки изъ оконъ, привѣлъ трѣхъ меринѣвъ, привезалъ верѣвки (за лѣшова-та), запрегъ лошадей и давай понужать. Постромки рвѣтца, а онъ и съ мѣста не пошевелѣтца.

Тонда подумалъ мужикъ: „Вѣдь солдатъ ево *ухаялъ*, онъ можотъ и убратъ“.—Запрѣгъ телѣгу и поѣхалъ за солдатомъ.

6. Настікъ въ полѣ и говоритъ: „Ей, служивой, поѣдемъ ко мнѣ: убері ево! Сколько возьмешь съ меня?“ — „Сто рублей“. — Мужикъ посадилъ солдата въ телѣгу и поѣхалъ домой.

Солдатъ поймалъ курицу и пѣтуха и привязывать мочалкомъ за лѣшова. А мужики надъ нимъ смѣютца. — „Три мѣрина не могли вывезти, а онъ курицу и пѣтуха привязывать!“ — Когда солдатъ всё приготовилъ, пугнулъ курицу и пѣтуха, — онѣ полетѣли и вытасшили на улицу лѣшова. Вѣтеръ дунулъ, ничево и не стало.

11. „Про козла.“

1. Жилъ старикъ да старуха. У старика у старухи были сынъ да дочка. Старикъ да старуха померли. У нихъ осталась только горошку *чарушка*. Онѣ сидѣли на *голѹбцѣ*, ѣли горохъ и уронили одінъ горошинокъ въ подпольѣ. Онъ тамъ взошолъ и сталъ рости.

Росъ да росъ, до голбца доросъ. Онѣ голѹбецъ выломали, — онъ до потолоку доросъ. Потолокъ выломали, — до крыши доросъ.

2. Черезъ нѣсколько времени сестра и братъ захотѣли ѣсти, а ѣсти у нихъ было нѣчево. Сестра и полѣзла по *витѣйникѣ* кверху. Лѣзла да лѣзла и увидѣла: избушка на кѹрыхъ нѹжкахъ повѣртыватца. Она сказала: „Избушка, избушка! къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!“ — Обернулася избушка къ лѣсу задомъ, а къ ней передомъ. Она зашла въ избушку. Тутъ жилъ козѣлъ. Лѣжитъ козѣлъ на полѣтяхъ, ноги на *грядкахъ*, зубы на спѣчѣ, глаза на полицѣ, а борода на *божничѣ*. А у него въ углу стояли жерновѣ.

Она подошла къ жерновѣмъ, п...ѣтъ, да вернѣтъ, блинъ да *сочень*, коlobкѣ кусочекъ, да и *шанешка*. Козѣлъ увидялъ, вотъ и сталъ *гаркѣть*: „Нѹги, идите ко мнѣ! руки, идите ко мнѣ! голова, иди ко мнѣ! глаза, идите ко мнѣ! борода, иди ко мнѣ!“ — А она тѣмъ временемъ и убѣжала.